

Старшие братья

16+

Алексей Бородкин

Алексей Бородкин
Старшие братья

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Бородкин А. П.

Старшие братья / А. П. Бородкин — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Недалёкое будущее. Человечество осваивает Космос. Неожиданно большое значение завоёвывает Космос ближний. На геостационарной орбите находится огромный комплекс технических сооружений "Аппер". В условиях невесомости и неограниченного объёма удобно иметь склады. Здесь же находится корабельный причал для судов дальнего следования. Кроме того, тюрьма. Медицинская клиника – ряд заболеваний возможно лечить только в условиях невесомости. Космический лифт связывает станцию "Аппер" с Землёй. Однако не только люди осваивают Космос. Космос осваивает людей.

Часть 1. Кардиолог

Кабинет психотерапевта был обустроен весьма практичным образом. В центре небольшой круглой комнаты стояла кушетка (ровное узкое ложе укрытое покрывалом шоколадного цвета), кресло терапевта располагалось позади кушетки, слева от возвышенной её части, где подразумевалось должна лежать голова пациента. Таким образом доктор оказывался в непосредственной близости, однако вне визуальной досягаемости, невидимый, как ангел.

Стены и потолок комнаты подсвечивались мягким светом; комната напоминала круглый китайский фонарик из бумаги – если попасть в его нутро, а источник света (восковую свечу) переместить наружу. Светло-серый оттенок стен постепенно уплотнялся к середине комнаты (очевидно намекая на линию горизонта) и плавно растворялся в снежную белизну к центру потолка.

Родион Олегович смотрит на этот сверкающий круг, давит пальцами на глаза, затем несколько раз смаргивает, сильно напрягая мышцы.

– Один голландец... фамилия, кажется, Маденлиф, придумал оригинальный способ неинвазивного подключения к зрительному нерву. Он исследовал оптические образы умирающих пациентов. – Родион Олегович потянул большими пальцами уголки глаз, это замутило зрение. – Он обнаружил интересную вещь. Когда падает давление сердца и наступает гипоксия, картинка часто инвертируется. Таким образом мозг пытается подстроиться под новые условия. Иногда инверсии повторяются, приобретая мерцательный характер.

– Вам не нравится оформление? – спрашивает доктор. Полное имя психотерапевта Нгуен Минь Чиет. Коллеги зовут кратко – Чиет.

– Нас отделяют от бесконечной пустоты четыре миллиметра алюминия. Всего. Метеорит размером с песчинку без труда прошьёт оболочку, проскользнёт через мою черепную коробку, пролетит сквозь кушетку, и – при нашей общей двойной неудаче – пройдёт сквозь вашу голову. Затем он пройдёт оболочку с другой стороны комнаты и вновь окажется на свободе.

– Вы этого боитесь?

– Нет. Мне интересно другое: при скорости сто пятьдесят километров в секунду, вся процедура нашей гибели займёт тысячную долю секунды. Мы даже не успеем почувствовать боли – рецепторы не успеют передать информацию в "центр". – Родион Олегович стучит пальцем по лбу. Ему хочется взглянуть на доктора, но это не приветствуется. – Что если это уже произошло, док? Мы уже мертвы, но продолжаем беседовать...

– ...И станция, полная покойников, – подхватывает Чиет, – несётся сквозь ледяные просторы космоса.

– Точнее висит над землёй. Вы забыли доктор, мы на геостационарной орбите.

– Это не столь драматично, – Чиет улыбается. – Чем болтаться, как шарик на верёвочке, лучше уж лететь сквозь толщу глубокого космоса.

Незаметным движением доктор меняет оформление комнаты, вместо белого безмолвия теперь это пшеничное поле – оно тянется до горизонта, светит солнце, ветер играет колосьями, где-то вдалеке – сосновый бор, его почти невидно, но он есть – доносится запах разогретой смолы, кричит пронзительным голосом птица.

Кушетка начинает мелко и приятно вибрировать.

– Знаете, док, я почти забыл Землю, – говорит Родион Олегович. – Какая она? Не помню. Нет, я узнаю это поле, узнаю панорамы городов, если вижу их по визору, узнаю земные пейзажи на фотографиях. Но я не могу её...

– Представить?

– Вот именно. Чаще такое случается ночью, я вижу во сне университетский камбуз, слышу вопли первокурсников в сквере, Майлз (мой сосед по комнате) ругается, клянёт всех и вся – ему мешают заниматься; предлагает немедленно выйти и отмутузить этих сопляков

как следует. Майлз вспылчив. Его косичка трясётся и напоминает кисточку китайского каллиграфа. Я подхожу к окну, мне хочется посмотреть на этих беспечных младенцев... окно превращается в иллюминатор моей каюты здесь на Аппере. Выглядываю наружу – космос.

Док пожимает плечами. Родион Олегович не видит этого движения, но слышит, как шуршит ткань костюма. Доктор Нгуен покупает дорожные костюмы, специально опускается для этого на Землю, тщательно выбирает. Любит смотреть показы мод в Дубае. "Что ж, – думает Родион, – каждый сходит с ума по-своему".

– А ведь там должна была быть поляна... газон, посыпанные гравием дорожки. Дуб, наконец, на котором я вырезал слово "свобода" и три восклицательных знака.

– Почему вы сравниваете свою комнату с каютой. Она вам не нравится?

Родион Олегович не успевает ответить. Жужжит коммуникатор внутренней связи, голос дежурной медсестры сообщает, что больная Клара Блэксмайл прибыла в клинику, уточняет готовить ли операционную и кто из ассистентов потребуется. В ответ хочется спросить, почему так рано? Есть же график, очерёдность и т.п. Сейчас его время общения с психотерапевтом, разве нет? Только это глупый вопрос. Больную привезли и с этим ничего не поделаешь. "Ничего кроме операции".

Родион Олегович поднимается с кушетки, говорит, что будет через десять минут.

– Ассистировать?... – задумывается. – Дежурная бригада. Не нужно ничего особого.

Перед выходом, он протягивает доктору Чиету руку, спрашивает, как он. Выглядит так, будто кардиохирург Родион Олегович Батюшков интересуется здоровьем своего коллеги. Всё с точностью до наоборот.

– Ничего страшного, – успокаивает терапевт. – Препаратов прописывать не стану – в этом нет смысла. Больше отдыхайте, читайте книги... лучше классику... что-нибудь из девятнадцатого века. Не нервничайте. И почаще опускайтесь на Землю. В прямом смысле этого слова. Когда у вас отпуск?

Клара Блэксмайл выглядит молодцом: вокруг глаз лёгкие тени, губы подведены помадой телесного цвета. Тон и точность штриха идеальны. Пожилая женщина находится в больнице, но это не повод выглядеть Бабой Ягой.

Родион Олегович спрашивает, как она себя чувствует, берёт руку, будто собирается поцеловать, считает пульс. Кожа на руке тонкая и белая.

– Волнуюсь.

– Напрасно. – Клара ему не нравится. Не симпатична, как женщина. У неё замечательно-красивые глаза, как у лани (кажется, такие глаза называют миндалевидными), тонкий английский нос, мудрая морщинка на лбу. "Слишком тонкие губы", – доктор понимает причину несимпатии. Считается, что зеркало души – глаза, только это неверно; в глазах – настроение. Душа отражается в губах человека. – Совершенно рядовая операция. Нет поводов для волнений.

Родион Олегович просматривает карту больной, пробегает глазами по плану операции, не находит никаких особенностей – вульгарная замена митрального клапана. Станным кажется только одно: девять лет назад больной рекомендовали оперативное вмешательство, она согласилась только сейчас. Почему?

– Я полюбила, доктор. И у меня появился повод жить.

"Хорошо сказала! – изумляется Родион. – Появился повод жить".

– Что принести вам утром? – спрашивает. – Фиалки? На Аппере растут замечательные фиалки.

– Не нужно цветов, доктор, – Клара пытается пошутить, шутка выходит скверная: – Цветы принесут на могилу. Позвоните утром вот по этому телефону, и скажите, что всё прошло удачно. – Она протягивает листок, вырванный из блокнота.

Доктор смотрит на цифры – длинный ровный ряд, выше цифр написано имя: "Алберт", обещает поздравить её возлюбленного и принести ему добрую весть: "Как голубь".

В 2025 году физик из Дрездена Никола Лаубе изобрёл оригинальный способ плетения углеродных нанотрубок. Лаубе не стал "выращивать" трубку бесконечной длины (как это пытались сделать его коллеги из других лабораторий), он сосредоточился на "сшивке" небольших углеродных кусочков. В результате получился трос, который выдерживал груз в миллионы раз превышающий собственный вес – трос, с высочайшим пределом прочности. Это стало прорывом. В том же году в Индии, на экваторе, началось строительство Международного Космического Лифта.

Через восемь лет, первая грузовая кабина понеслась в космос. Это произошло ясным безветренным утром: у стапеля волновались техники, высоко в небе застыли перистые облака, в одно из них упиралась (правильнее сказать пронзала его) бесконечная серебристая игла космического троса. Впрочем, тросом это сооружение можно назвать только условно, вблизи оно напоминало строительные леса, возведённые вокруг массивного невидимого здания.

На высоте тридцати шести тысяч километров другой конец "троса" был закреплён на космической станции "Аппер" (от английского "Urper" – высший), ещё далее в открытый космос тянулся противовес – с его помощью компенсировался вес поднимаемых грузов, оттуда же стартовали межпланетные космические корабли.

Такая конструкция позволила победить главного врага космических полётов – земную гравитацию. Люди смогли выбраться из гравитационного колодца.

Ещё через несколько лет на Аппере смонтировали выносной расширенный модуль – клинику. Оказалось, что в условиях невесомости значительно быстрее регенерирует хрящевая ткань – восстанавливаются изношенные суставы. Легче проводить операции на сердце – нулевая гравитация избавляет "двигатель" человека от нагрузки, снижает артериальное давление. Кроме того, значительно быстрее (и легче) проходит постоперационная реабилитация.

Перед тем, как уснуть Клара говорит, что ей не хочется, чтоб её трогали мужские руки. Чужие мужские руки: "Вы понимаете, о чём я говорю, доктор". Батюшков кивает, но отвечает, что иначе невозможно – роботы ещё не научились делать подобные операции.

– Быть может, я останусь в сорочке? – предлагает Клара. – У меня очень красивая сорочка, к тому же я не останусь голой. Мне очень страшно остаться совсем-совсем голой.

Хирург отворачивается, ищет глазами поддержки у своей бригады. Он не ожидал такой сентиментальности от семидесятилетней женщины. "Одни лезут на нудистский пляж, трясут достоинствами, другие стесняются врача". Выручает Жасмин, медсестра (кажется она родом из Турции). Говорит, что она закроет простынёй всё тело и будет следить, чтоб мужские глаза не касались запретных мест Клары.

– Обнаженным останется только маленький кусочек, – показывает место. – Вот здесь.

Клара кивает и жмурится. Ей страшно.

В воздухе появляется особый запах: вторая сестра распечатала комплект стерильных инструментов, плюс запах анестезии, плюс что-то ещё... вместе это составляет запах операционной.

– Делаю разрез, – говорит Батюшков и ведёт скальпелем. В запахе вливается неприятная нотка – лазер прижигает сосуды, моментально их коагулируя. Крючки раздвигают мышцы, обнажается грудина, рёбра.

– Пила!

Сдобно жужжит пила, сестра моментально убирает осколки, анестезиолог говорит, что сегодня опять были проблемы с расписанием: "Второй раз за неделю опоздал экспресс". Жасмин отвечает, что с экспрессом всегда так. Лучше ехать с грузовым лифтом: медленно,

но верно – она говорит, красиво растягивая букву "е", словно поёт. Батюшков спрашивает, сколько же это занимает времени, поездка на грузовом?

– Шесть часов, – отвечает Жасмин. Над стерильной маской остались только глаза; девушка стоит вполборота, видно левое маленькое ухо и глаза. Сильный свет освещает её лицо, Батюшков видит, что у Жасмин зелёная радужка, удивляется, что не замечал этого раньше. "Редко оперирую с этой бригадой... жаль, толковые ребята".

В рану вставляют два расширителя, ассистент крутит ручку, в груди разверзается провал. Похоже на картину Гойи: люди без лиц, экзекуция, жертва, шестерёнчатые рейки ранорасширителя, окровавленный тампон, кусочек напуганной трепещущей плоти.

– Входим в кровообращение, – голос Батюшкова делается строгим. – Охлаждение. Отсос. Ассистирующий хирург говорит, что температура стабилизирована, сердце остановлено.

Можно резать.

– Вскрываем сердце.

Сестра подаёт скальпель, держит в руках ретрактор – он понадобится следующим.

Скальпель делает разрез. Батюшков замирает, кажется, он растерян, наклоняется ниже к самой ране. Резко распрямляется, тянет вниз светильник – ассистент едва успевает отпрянуть от промелькнувшего стального диска.

– Что случилось, Родион Олегович?

Батюшков запускает руку в полость, ощупывает сердце, пытается определить патологию. Через минуту говорит, что дело дрянь: кроме проблемы с клапаном у пациентки гипертрофия желудочка. Приобретённая атрезия.

Несколько долгих мгновений ассистент смотрит на Батюшкова, мыслей во взгляде не больше чем у табуретки. Наконец он произносит:

– Ты же не собираешься... мы не успеем... невозможно.

– А что ты предлагаешь? Зашить её? Или бросить?

– Но мы не успеем! Пациент не выдержит.

– Отставить разговоры! Наперво делаем пластику межжелудочковой перегородки, следом займемся клапаном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.